
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ САТИРИЧЕСКОГО РОМАНА В. ВОЙНОВИЧА

Е.Ю. Алисова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена жанровому своеобразию сатирического романа в творчестве В. Войновича. Характерной является принципиальная свобода писателя в обращении к жанровым формам: роману-анекдоту (в трилогии о Чонкине), совмещению нескольких антиутопий (в «Москве 2042»), появлению «книги жизни» («Замысел»).

Ключевые слова: Войнович, Чонкин, «Москва 2042», замысел, жанр, сатира.

Владимир Войнович отметил в 2012 г. свое восьмидесятилетие. Недавний юбиляр — не просто писатель, а писатель-сатирик, и эта характеристика — сатирик — является не дополняющей, а определяющей для его творчества. От любого другого писателя сатирик отличается заостренным восприятием алогизма современной ему действительности. Это врожденное, лежащее в основе дарования свойство: видеть абсурдность происходящего вокруг. Сам Войнович говорит об этом так: «Я просто пишу... Мою первую повесть один критик отметил большой ругательной статьей, в которой было написано буквально следующее: „Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни как она есть“. Мне это очень понравилось, и я дальше старался изображать жизнь как она есть. А куда меня кривая выведет, никогда не заботился» [1].

Так охарактеризована свойственная Войновичу творческая манера — стремление пренебрегать канонами и догмами, — что и обусловило жанровое своеобразие сатирических романов писателя, в частности трилогии «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», антиутопии «Москва 2042» и романа «Замысел».

Обращаясь к жанровому своеобразию того или иного произведения, необходимо иметь в виду, что природа жанра получает в литературоведении различные объяснения, и это находит выражение в понимании взаимоотношений формы и содержания, соотносённости художественного мира произведения с жизненной действительностью, способа выражения авторских идей. Это особенно важно при рассмотрении жанров неканонических, выявление особенностей которых представляет определенную трудность.

Самым общим жанровым определением для рассматриваемых здесь произведений В. Войновича является термин «роман». Принципиальную незавершенность и свободу в развитии и современном состоянии этого жанра подчеркивал М.М. Бахтин, отмечая, что «изучение других жанров аналогично изучению мертвых языков; изучение же романа — изучению живых языков, притом молодых» [2. С. 392—392].

Роман обладает двоякой содержательностью: во-первых, своей собственной, благодаря интересу к развитию личности, во-вторых, пришедшей к нему из иных жанров (эпопеи, идиллии, сатирической повести и т.д.). Это позволяет сделать вывод о «синкретичности» романа [3. С. 330]. Роман соединяет в себе черты множества жанров. «Синкретичность» романа коренным образом отличает его от остальных жанров, которые при сравнении с ним обнаруживают некую свою «специализированность», сосредоточенность на отдельных аспектах жизни, в то время как роман представляет жизнь в ее многоплановости и противоречивости.

В силу широты термина «роман» он часто сопровождается дополнительной характеристикой: «автобиографический, военный, детективный, документальный... политический, приключенческий, сатирический, сентиментальный...» [4. С. 892].

Наиболее адекватной характеристикой романа Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» является уточнение *сатирический*. Таковым его делает обличительный пафос, которым проникнуто произведение. Здесь слово «сатира» употреблено в своем наиболее широком значении — как «отрицательное отношение творящего к предмету изображения» [5. С. 935].

Кроме того, роман о солдате Чонкине — это, по определению автора, роман-анекдот. На первый взгляд так соединены жанры не просто далекие друг от друга — чуть ли не противопоставленные. Однако Войнович убеждает в том, что анекдотический случай может лечь в основу романного повествования, обнажающего пороки современной ему жизни.

Войнович в предисловии к третьему роману трилогии так объясняет смысл собственного жанрового определения: «Кстати сказать, я обозначил когда-то жанр сочинения как роман-анекдот... это обозначение было просто уловкой, намеком, что вещь-то несерьезная и нечего к ней особенно придираться» [6. С. 8].

Последуем совету писателя: не будем придираться, но заметим, что при кажущейся несерьезности, лежащей в основании повествования, анекдот преследует чрезвычайно серьезные цели.

Сюжет, вокруг которого выстраивается повествование — солдата забывают на месте его караульной службы — анекдотичен сам по себе: возникает, так сказать, идеальный жанр для сатирического отображения жизни.

Анекдот — фольклорный жанр, в основании его лежит юмор, с которым «мудрость совпадает... настолько, что в юморе и заключена мудрость» [7. С. 266]. Изначально являясь рассказом о частном происшествии из жизни определенного исторического лица, анекдот постепенно обратился к обычному человеку (вспомним здесь слова М.Е. Салтыкова-Щедрина о «почве народной» как «единственно плодотворной» для сатиры) [8. С. 212].

В зависимости от поведения героя в анекдоте могут быть показаны различные черты национального характера: от мудрости и находчивости до лени, ограниченности, пьянства и т.д. Именно это свойство позволяет анекдоту стать не только приемлемой, но и вполне органичной формой для сатирического произведения, ведь анекдот дает возможность в наиболее яркой форме представить жизнь, которая «сама по себе фантастична» (В. Войнович). Типичный герой из народа, пара-

доксальность ситуаций, динамизм развития действия, непредсказуемость и неожиданность разрешения определенных коллизий комического характера — все эти приемы писатель заимствует из анекдота и использует в полной мере при создании сатирического романа.

По сути, задача сатиры аналогична задаче хорошего анекдота: обнажая пороки, она способствует утверждению в жизни нормы, гармонии: «сатира есть образное отрицание современной действительности, необходимо включающее в себя — в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности — и положительный момент утверждения лучшей действительности» [5. С. 938]. С сатирой анекдот главным образом роднит то обстоятельство, что здесь, повторим, восстанавливается представление о нормах жизни, нарушаемых в самой действительности.

Это жанровое определение — анекдот — также связано с тем, что весь роман о Чонкине построен на анекдотических ситуациях: вот Ньюра падает «замертво», увидев в небе «большую железную птицу с перекошенным клювом», которая в действительности оказывается обыкновенным самолетом; вот Чонкин угощается самогонном в гостях у Гладышева, а потом узнает, из чего тот самогон был произведен, и бежит на двор.

Таким образом, анекдот выступает здесь и в качестве вспомогательного средства при построении целостного романа. И если в некоторых ситуациях (например, сцена обморока Ньюры при виде самолета) анекдотическое происшествие является проявлением комического, то в других случаях анекдот служит сюжетообразующим элементом. Так, например, секретарь райкома Ревкин, разговаривая по телефону с председателем колхоза Голубевым, услышал, что Чонкин захватил все ведомство капитана Миляги вместе с «бандой», хотя председатель на самом деле сказал «с бабой». И вот на поимку Чонкина посылают целый полк!

Однако все это свойственно в большей степени первой части романа. Вторая книга, а особенно третья, представляют собой скорее эпопейное повествование с нотками публицистики. Меняется подход писателя к изображаемому, творческий метод: практически исчезают комическо-анекдотические ситуации, сатирически едкие авторские ремарки сменяются повествованием по-прежнему саркастическим, но лишенным, однако, образного наполнения, авторская речь занимает гораздо больше места, чем вначале. Здесь уместно привести слова Е. Пономарёва: «Во второй... части аналитическая стихия разворачивается на полную катушку, подавляет анекдот и начинает определять форму текста. Одним словом, чем ближе к концу, тем больше о сущности советской жизни и судьбах родины. Прямо как в „Войне и мире“» [9]. И это только о двух романах, а в третьей книге эти тенденции только усиливаются. Таким образом, в рамках трилогии происходит изменение авторского подхода к созданию произведения: роман-анекдот обретает свойства сатирического романа, а затем — эпопейного повествования лишь с элементами сатиры.

Теперь обратимся к роману «Москва 2042», которому свойственны особенности антиутопического жанра.

«Антиутопия — жанр социальный. Это — бомба, которая падает только на организованное человечество, на общество, живущее по тем или иным устоявшимся социально-политическим законам, на общество, выработавшее определенный стиль жизни... Антиутопия борется не со случайностями, а с закономерностями» [10. С. 96]. Сатира в целом борется не со случайностями а с закономерностями — не зря жанр антиутопии стал самым популярным для сатирического повествования (вспомним Свифта, Оруэлла, Замятина).

«Фантастический роман В. Войновича, продолжающий и развивающий замятинско-оружелловскую традицию антиутопии, еще больше заостряет постмодернистский дискурс в творчестве В. Войновича; он построен на демонстративном смешении жанров и стилей, принципиально эклектичен — здесь присутствуют элементы детектива и мелодрамы, эротики и гротеска, политической сатиры и научной фантастики, пародии и буффонады» [11. С. 159—160].

Антиутопия «Москва 2042» стереоскопична: мы видим не единственное общественное устройство, которое не принимает автор, а встречаем яркое описание трех систем: МОСКОРЕПА, «империи» Сим Семыча в Торонто и монархической России под властью Сима. Кроме того, в канву романа вплетается и образ Москвы, из которой главный герой уехал. Эта последняя «антиутопия» наиболее близка к реальности, наименее фантастична и дается в форме воспоминаний главного героя или историй комунян, которые они слышали от старших родственников.

В Москве 2042 г. коммунистические идеалы доведены до абсурда. Интересно, как В. Войнович «показывает» нам МОСКОРЕП: сначала через восприятие главного героя писателя Карцева (который, что называется, пребывает в «культурном шоке»), а далее — с помощью пояснений «новых» москвичей, живущих в этом времени и воспринимающих все происходящее как должное. Благодаря этому приему мы знакомимся не только с внешними изменениями, произошедшими в столице, но и с новым типом мышления и мировоззрения людей (что характерно для жанра романа).

В Торонто Карнавалов в соответствии с собственной утопией выстраивает жизнь: он выступает как барин, запрещает пользоваться достижениями техники, вводит телесные наказания, определяет в качестве «формы» национальную русскую одежду и т.д. И даже иностранные слова он заменяет на русские, называя самолет «леталкой», а газеты «читалками». И хоть взгляды Сима противоположны идеологии коммунизма, но, когда он приходит к власти, меняется только форма, суть остается практически неизменной: «Бывшие органы госбезопасности (служба БЕЗО) преобразовываются в Комитет народного спокойствия (КНС), главою которого назначается любезный нам и нашим верноподданным Богобоязненный христианин Леопольд Зильберович» [12. С. 331]. «Всем остальным Нашим любезным подданным предлагается... проявлять бдительность и нетерпимость ко всем проявлениям лживой и мерзопакостной коммунистической идеологии» [12. С. 332]. И если в МОСКОРЕПЕ писали фельетоны о «молодых людях, которые носят длинные брюки и увлекаются буржуазными танцами» [12. С. 118], то теперь Карнавалов публикует указ «об обязательном ношении длинной одежды» [12. С. 332].

И Дзержин, который теперь зовется Дружином, служит новому самодержцу так же, как служил Гениалиссимусу: «им такие специалисты, как я, нужны. И не только им. Любому режиму» [12. С. 334]. Иными словами, самое главное изменение — в длине брюк, а те принципы (жесткой слежки, диктатуры и пр.), которым следовала коммунистическая власть, остаются актуальными и при власти Карнавалова.

В романе показаны также «зачатки» других утопий: идея ученого Эдисона о вечной жизни, утопия юного террориста левых взглядов. Эти персонажи расплачиваются за свои взгляды жизнью, поэтому их утопии развития на страницах романа не получают. Однако с помощью данных героев Войнович показывает, насколько привлекательна для людей мысль о радикальных переменах. Развитие других утопий в антиутопии демонстрирует, насколько эта мысль опасна.

Таким образом, разработка нескольких сюжетных линий перехода утопии в антиутопию в одной книге играет очень важную роль для реализации авторского замысла: в романе «Москва 2042» выносится приговор не какой-то конкретной системе, а любому авторитарному режиму, идущему вразрез с гуманитарными ценностями. Каким бы он ни был, он в любом случае приводит к подавлению человеческой личности, а какая мода будет считаться противостоящей режиму — это уже детали.

Роман «Замысел» — произведение, где все существующие жанровые нормы разрушены: по отношению к ним автор абсолютно свободен. «Книга эта не вписывается ни в какой жанр: она отчасти роман, отчасти мемуары, в общем ни то, ни то. Части книги самостоятельны, самодостаточны и взаимозаменяемы... что касается конца, то он точно не планируется, но последнее написанное автором в этой жизни слово должно стать и последним в книге» [13. С. 7].

В «Замысле» переплетаются главы, повествующие о разных этапах жизни главного героя, максимально совпадающего в автором. Хронология не соблюдается, несколько линий сменяют одна другую. Также они чередуются с разработкой сюжета главной книги В. Войновича — трилогии о Чонкине — и сочинениями некой Элизы Барской. Такое нетривиальное, вполне постмодернистское построение книги приводит к стереоскопическому изображению действительности. «Книга всей жизни» поистине отображает жизнь ее создателя: как цепочку жизненных событий, историй и встреч, так и внутреннюю работу — творчество, которое является важнейшей частью жизни Художника. И именно эта авторская задача — показать свою жизнь во всей ее полноте и разнообразии — определяет жанровую пестроту «Замысла». «Книга эта, если сравнить ее с водным пространством, не река с истоками и устьем, а озеро, в которое можно войти с любой стороны» [13. С. 6].

Обобщая вышесказанное, сформулируем основные жанровые особенности сатирического романа В. Войновича. Главной чертой является принципиальная игра с жанрами, синкретизм, особенности которого обусловлены идеей писателя, его *замыслом* (в «Чонкине» анекдот вскрывает алогизм устройства общества; в «Москве 2042» совмещение нескольких утопий в рамках одного произведения работает на доказательство идеи автора об обреченности любого из режимов,

во главе которого стоит диктатор — какими бы теориями он ни руководствовался; в «Замысле» переплетение жанровых форм — романа, мемуаров, рассказов, эротики, автобиографии — воплощает идею создания «книги всей жизни».

Характерной для всех романов В. Войновича особенностью является также обращение к фантастике как к жанрообразующему элементу. Фантастика ложится в основу антиутопии о Москве будущего (антиутопия и фантастика неразрывны). В трилогии о Чонкине также используются элементы фантастики. Максимально фантастичны сны главного героя: в первом сне Чонкина Сталин спускается с небес в женском платье, во втором он лежит на подносе на столе во время празднования свадьбы свиней. Однако наряду с фантастическими обстоятельствами везде подчеркиваются типичные детали: усы, трубка в руке, голос с грузинским акцентом. Это переплетение реальных деталей, событий, персонажей с элементами фантастики становится характерной особенностью трилогии.

В «Замысле» герой (писатель Войнович) встречается и ведет диалоги с созданными им персонажами и с самим собой в молодости. Здесь фантастика также работает на воплощение замысла: автор видит свою жизнь в протяженности и вместе с тем в совмещении как временных пластов, так и реальности и вымысла. Ведь перед нами — замысел Писателя, Художника, а для него его собственный вымысел может быть реальнее того, что его окружает. А реальная жизнь, в свою очередь, поражает восприимчивого сатирика настолько, что он не может принять ее алогизма и выражает это противоречие на страницах своих романов. «Мне с самого начала говорили: ну, это ты уж слишком, это ты уж загнул. Я даже иногда смягчал, ибо то, что реально происходило, в написанном виде казалось невероятным. Просто наша жизнь фантастична, она сама по себе сатира. Для сатирика — благодатный материал» [14. С. 39].

И Войнович как никто другой умеет этот «материал» увидеть, поразиться ему и выразить на страницах своих произведений так, чтобы и читатель смог почувствовать до конца «фантастичность» жизни. При этом свобода жанрового воплощения соответствует задачам сатирика и определяет своеобразие его стиля.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] «Аргументы и факты». № 27 (1080) от 04.07.2001.
- [2] Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. — М., 1999.
- [3] Хализев В.Е. Теория литературы — М.: Высшая школа, 1986.
- [4] Кожин В.В. Роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. — М.: ИНИОН-ИНТЕЛВАК, 2001.
- [5] Бахтин М.М. Сатира // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. — М.: ИНИОН-ИНТЕЛВАК, 2001.
- [6] Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга III. Перемещенное лицо. — М.: Эксмо, 2007.
- [7] Терц А. Анекдот в анекдоте // Терц А. (Синявский А.) Путешествие на Черную речку и другие произведения. — М., 1999.
- [8] Салтыков-Щедрин М.Е. Об искусстве. Избранные статьи, рецензии и высказывания.
- [9] Пономарёв Е.Р. От Чонкина до Чонкина // Нева. — 2004. — № 3.

- [10] *Обухов В.* Современная российская антиутопия // Литературное обозрение. — 1998.— № 3.
- [11] *Брусиловская Л., Кондаков В.* Войнович В.Н. // Русские писатели 20 века. Биографический словарь. Гл. ред. и составитель П.А. Николаев — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
- [12] *Войнович В.* Москва 2042. — М.; СП Вся Москва, 1990.
- [13] *Войнович В.* Замысел. — М., 1995.
- [14] *Войнович В.* Из русской литературы я не уезжал никуда // Русское богатство. Журнал одного автора. Владимир Войнович. — 1994. — № 1 (5).

GENRE PECULIARITY OF VLADIMIR VOINOVICH'S SATIRICAL NOVEL

E.Yu. Alisova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6. Moscow, Russia, 117198

The subject of this article is genre peculiarity of Vladimir Voinovich's satirical novels. Liberty of genre forms is characteristic for the author's works: «a novel-anecdote» (in the trilogy about the soldier Chonkin), combination of several utopias (in "Moscow 2042"), creation of «the book of the whole life» ("The Design").

Key words: Voinovich, Chonkin, "Moscow 2042", idea, a genre satire.